

В городе объявился палач, прячущий свое лицо под черным капюшоном. Он проводит онлайн-трансляцию суда над преступником-педофилом, называя это «Судом Народа». Через 72 часа результат голосования определит – казнить или помиловать преступника. Местные чиновники требуют поймать палача и прекратить беспредел, ведь право на суд есть только у власти. В ходе расследования Елена Петелина выясняет, что накануне суда педофил похитил девятилетнюю девочку. Только он знает, где она находится. Время на таймере неумолимо тает. Люди жаждут справедливого возмездия. Но если палач свершит казнь по решению народа, похищенная девочка не выживет.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-8318-3

9 786171 283183

**КАЗНЬ
В ПРЯМОМ
ЭФИРЕ**

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

**КАЗНЬ
В ПРЯМОМ ЭФИРЕ**

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

КАЗНЬ
В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Б19

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

ISBN 978-617-12-8318-3

- © Бакшеев С. П., 2021
- © DepositPhotos.com / KrisCole, Kesu01, VadimVasenin, EdZbarzhivetsky, обложка, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

1

30 мая. 3 дня до начала казни

Человек в черном анорাকে с надвинутым на лоб капюшонном открыл железную дверцу и втащил в темный проем объемный, но не тяжелый сверток. Сразу прикрыл дверь, задвинул засов и оказался в полной темноте. Он перевел дух и нажал выключатель. Вместо обычной лампочки над его головой вспыхнуло табло из трех горизонтальных цветных полос, расположенных одна под другой.

Цвета вспыхивали по очереди сверху вниз через каждые пять секунд: зеленый-желтый-красный, и так по кругу. Освещение выходило так себе: дальние углы небольшого помещения тонули во мраке, повторяющееся мигание было способно вывести из себя кого угодно, если находиться здесь долго, впрочем, на это и был расчет. Однако главная функция световой панели иная — табло оглашало приговор.

На каждой из полос высвечивалось слово — вариант решения суда. На верхней зеленой — «Помиловать»; на средней желтой — «Кастрировать»; на нижней красной — «Казнить». Сверху вниз, от цвета жизни к цвету

огненной стихии как своеобразные ступеньки в преисподнюю для того, кто будет вынужден смотреть на это табло. Смотреть и мучительно ждать, на каком приговоре свет замрет.

Когда-то в мрачном боксе без окон располагалась шиномонтажная мастерская, а сейчас — это современная камера казни, где роль палача исполняет техника. Бетонные стены и потолок оклеены звукоизоляционными панелями, на железных воротах два слоя звукоизоляции. Кричать бесполезно, снаружи не слышно — проверено громкой музыкой. Да и любопытных глаз рядом нет, бокс зарос густым кустарником, а спереди проходит старая дорога, которая почти не используется после прокладки по соседству современной автомагистрали.

В центре помещения к бетонному полу привинчен сваренный из толстого железа стул с подлокотниками — такой не сломаешь. Подсудимый, который будет прикован к роковому стулу, увидит перед собой мигающие варианты своей судьбы. Он приговорен смотреть на мерцающее табло трое суток, семьдесят два часа, четыре тысячи триста двадцать невыносимо долгих минут. И каждую минуту он четырежды увидит как страшный, так и желанный приговор.

За трое суток люди проголосуют по воле совести и на табло останется гореть единственный цвет — народный приговор. Минута одноцветного свечения — и наступит развязка. Воля народа будет приведена в исполнение. Процесс завершится автоматически, без участия палача.

Да, судебное заседание пройдет не по букве закона, зато по справедливости. Ведь каждый проголосовавший — тот же присяжный заседатель, подавший свой голос за то или иное решение, а человек, организовавший процесс, всего лишь делопроизводитель, если хотите, секретарь Суда Народа.

Так себя и воспринимал человек в анораке, вошедший в камеру казни. Он дает народу право проголосовать, вынести вердикт подсудимому. Как народ решит, так и будет. От него уже ничего не будет зависеть.

Чтобы выбор народа был осознанным и устройство сработало четко, требовалось провести натурный эксперимент, максимально приближенный к будущей реальности. Нужно наглядно продемонстрировать результаты — пусть люди видят, за что голосуют.

Секретарь суда развернул принесенный сверток. Под ворохом пленки оказался пластиковый манекен — мужской сидячий натуралистичный. Он нашел его по частному объявлению в соседней области и приобрел за наличные — мелкий предприниматель распродал оборудование прогоревшего магазина.

Секретарь усадил манекен в железное кресло, приковал цепью ноги, руки и грудь безликой куклы крест-накрест. Концы всех цепей свел к единому карабину, который раскроется, если народ дарует пленнику зеленый цвет.

На бугорок выступающего паха манекена он накиннул тонкую стальную петлю. Присоединил ее концы через специальное устройство к розетке. Это на случай «желтого» решения.

Для третьего варианта, казни, имелось нехитрое приспособление в виде двухпудовой гири, подвязанной к железной балке под потолком на растяжке.

Итак, подготовка закончена, натурный эксперимент можно начинать.

Секретарь будущего суда отошел к двери, достал смартфон, загрузил демоверсию специально созданного сайта с говорящим названием — *Sud Naroda*. Включил программу управления, над его головой заработала видеокамера,

направленная на манекен. На голом торсе пластикового узника в закольцованном режиме замелькали отблески зеленого, желтого и красного цвета. Картинка через сайт выводится на дисплей смартфона, трансляцию могут видеть все желающие.

Секретарь суда некоторое время смотрел в телефон, прикидывая реакцию зрителей. Возможно, такие кадры усыпят некоторых — безликий манекен не реагировал на свет. Но когда на стуле будет дергаться живой подонок с гаммой эмоций на лице и в режиме реального времени будут меняться результаты голосования — тут уж «присяжным» скучать не придется. Тем более когда они увидят, что ждет подсудимого.

Допустим, народ дарует узнику свободу.

Секретарь ткнул пальцем в зеленую кнопку на дисплее. Мигание прекратилось, камера казни осветилась спокойным зеленым светом, на табло загорелось слово «Помиловать». Прошла минута, за стулом что-то щелкнуло, и цепи со звоном упали на пол. Будь там живой человек, он мог бы встать и уйти. Свобода!

Секретарь Суда Народа подавил внутреннее недовольство, сердце противилось такому исходу, однако не ему решать судьбу узника. У него, как и у всех, будет всего один голос, и он не готов отдать его за помилование.

Он вновь запустил круговерть трехцветного освещения, выждал несколько циклов и нажал второй вариант приговора — Кастрировать. Помещение на долгую минуту погрузилось в тревожный желтый свет. Затем включился электроприбор и в считанные секунды раскалившаяся добела стальная петля затянулась и обрезала мошонку манекена. Запахло жженой пластмассой.

Секретарь понимал: для живого человека это болезненная процедура, но не смертельная. Кастрация про-

изойдет быстро, горячая проволока оплавит сосуды и не даст жертве истечь кровью. К тому же вслед за обрезанием разомкнется карабин, удерживающий пленника, и он сможет выйти из камеры казни.

Если, конечно, народ не выберет третий вариант — кроваво-красный!

Секретарь снова включил табло голосования, вытер вспотевшие руки, глубоко вздохнул и нажал красную кнопку. Кровавый туман заполнил темное помещение. В красном свете даже лицо манекена казалось испуганным, каково же будет состояние узника, когда он увидит на табло народный приговор — «Казнить».

Обреченный на смерть наверняка поднимет взгляд на тяжелую гирию, привязанную к потолку, подобно взведенному маятнику. Бедняга до последней секунды будет надеяться на чудо, но в том-то и прелесть бездушной техники, она не подвластна эмоциям и не дрогнет. Смертельный снаряд сорвется с потолка и полетит по заданной траектории.

Бух!

Так и произошло. Чугунная гирия ухнула, разогналась по дуге и разможила грудь манекена вдребезги, гулко стукнувшись о железный стул. То, что удар пришелся не в голову, а в грудь, было задумано — мгновенная смерть слишком гуманна для отъявленных подонков. Пустотелая пластиковая кукла разлетелась на куски, а узник погибнет не сразу. У него будут минуты агонии, чтобы он почувствовал мучения своих жертв на собственной шкуре.

Ну что ж, техника сработала четко, оборудование не подвело — замечательно!

Секретарь Суда Народа остановил видеозапись и закрыл сайт. Современная камера казни, подвластная лишь воле народа, готова к использованию.

Он убрал в пакет пластиковые обломки манекена и освободил стул для подсудимого. Скоро на месте куклы окажется настоящий подонок — туда ему и дорога!

А еще через трое суток народ вынесет реальный приговор.

2

2 июня. Первый день казни

В начале июня на столицу обрушилось жаркое душливое лето, и Елена Петелина, как заботливая мамочка, перебралась с девятимесячным малышом из шумного мегаполиса в подмосковный санаторий. Она настроилась правильно питаться, много гулять, посещать спа-центр и обязательно испробовать йодобромные ванны и лечебные грязи, обладающие, по слухам, чудотворным эффектом.

Что ни говори, а сидячая работа в Следственном комитете и роды в сорок лет здоровья женскому организму не прибавляют. Лишние килограммы прилипли к бокам, никак не сбросить. На животе появились растяжки, а после утреннего расчесывания на щетке остаются волоски в пугающем количестве — всем этим надо заниматься и лучше подальше от домашних тапочек, безразмерного халата и коварного холодильника.

Помимо сынишки Саши, которому, несомненно, пойдут на пользу свежий воздух и занятия в бассейне, Елена взяла с собой незаменимую помощницу — маму Ольгу Ивановну.

Елена лежала на кушетке, с ног до подбородка обмазанная черной грязью, когда зазвонил ее телефон.

По особой мелодии старший следователь поняла, что вызывает кто-то из начальства. Это было неожиданно, ведь она находится в отпуске по уходу за ребенком и не оставила никаких «хвостов» на службе. Взять в грязные руки телефон не представлялось возможным, и Петелина попросила медсестру включить громкую связь.

Звонил полковник Шумаков из Главного управления МВД. Он был краток, говорил из движущейся машины, и чувствовалось, что спешил.

— Петелина, ты готова поучаствовать в необычном деле? Небось без работы совсем закисла?

«Запачкалась по уши», хотелось пошутить Елене, но подсознание вдруг вытолкнуло:

— Когда?

— Сейчас, — несколько не удивившись, ответил полковник.

— А что за дело? — уже осознанно спросила следователь, ощущая, как в сонной голове и расслабленном теле словно заиграли пузырьки шампанского.

— За тобой заедут.

— Я не дома, в санатории... — встrepенулась Елена, но договорить ей не дали.

— Собирайся и жди! — отчеканил Шумаков и отключил связь.

Женщина аж приподнялась на кушетке. Приказывать легко, а про ее ребенка он помнит? Хотя Шумаков ничего не упускает из виду. Если знает про санаторий, то и об остальном в курсе. Но почему подробностей не рассказал? Впрочем, дела в главке сплошь серьезные. Полковник мчится, как на пожар, значит, дело безотлагательное. Неужто он к ней лично заедет?

Елена провела ладонью по маслянистой грязи, покрывающей голое тело, — хороша будет встреча.

— Еще десять минут! — строго предупредила медсестра, видя, как пациент решительно покидает кушетку.

Какое там! Елена отмахнулась и пошла в душ. Пока смывала лечебную грязь, соображала: что надеть?

Деловые костюмы пылятся дома, джинсы неприлично обтягивают располневшие бедра, про спортивную форму и удобные шорты вообще лучше молчать, остается только летнее платье с жакетом. Недавно купила новый наряд, приберегала для встречи с мужем в воскресенье. Платье без рукавов, кремовое, полуприлегающего силуэта, по подолу мягкие складки с крупными розовыми цветами. Жакет тоже розовый и, что важно, без застёжки, не сдавливает увеличившуюся грудь. Для вечера примирения с мужем — лучше не придумаешь, а вот для работы следователем...

Да что тут думать, выбора все равно нет! Еще бы успеть волосы подкрутить.

Спустя полчаса за Еленой Павловной Петелиной приехал спокойный увалень Иван Майоров. Новоиспеченный капитан полиции еще недавно служил оперативником в районном отделе вместе с Маратом Валеевым, гражданским мужем Елены. Напарники часто выполняли ее поручения, не обременяя докучливыми формальностями. Следователь немного жалела об уходе надежного опера на повышение, но жизнь есть жизнь, мужчина должен строить карьеру.

Вместо проверенного в деле друга Валееву досталась в напарницы старший лейтенант Татьяна Токарева — ох уж эта феминизация и равноправие полов! К молодой бойкой оперативнице за горячий нрав и решительные действия быстро приклеилась кличка ТТ, по аналогии с названием убойного пистолета. От такой проныры можно ждать чего угодно, и не только в ра-

боте, но и в личных отношениях. ТТ — девушка без комплексов.

После рождения малыша Елена невольно отдалилась от Марата, а тут еще повод для ревности появился. И мысли всякие лезли, что он мало помогает, не дарит цветы, даже продукты ей самой приходится покупать, а о совместных прогулках втроем с малышом и мечтать не приходится.

Последней каплей, переполнившей чашу раздражения, была грязная посуда, которую Марат свалил на ночь в раковину. Даже не сполоснул, козел! Он вечно приходит поздно, она оставляет ему ужин, плохо спит из-за малыша, а утром ей грязный подарочек. Она для него кто — кухарка-посудомойка?

Не стала мыть и в тот же день укатила в санаторий. Хотелось преподать мужу урок, оставить за дверью квартиры усталость, ревность, домашние хлопоты и мелкие обиды, способные разрастись до семейных скандалов.

Марату поставила условие, что они будут встречаться только по воскресеньям. И пусть готовится к встрече как к первому свиданию.

Старшая дочь Настя, включенная в молодежную сборную по керлингу, сейчас находилась на сборах по общефизической подготовке в Санкт-Петербурге. Она так хотела попасть к сильному тренеру, чтобы прогрессировать, как спортсменка, и вот ее желание осуществилось. Обычно, если у дочери все в порядке, она не звонила и не напоминала о себе. Но в последние дни выходила на связь регулярно, жаловалась на ерунду и что-то явно недоговаривала.

Оставив малыша удивленной матери, разгоряченная сборами Елена выпорхнула на парковку и плюхнулась в автомобиль оперативника.

— Фу! Рассказывай! — выдохнула она, разгладив складки нарядного платья.

Однако необщительный Майоров ее разочаровал. Его самого неожиданно выдернули с другого задания и срочно отправили за ней в санаторий.

Он мчал машину с включенной мигалкой и оправдывался:

— Полковник Шумаков все объяснит. Оперативный штаб назначен в Красногорске.

— Штаб! — уважительно округлила глаза следователь и тут же нахмурилась, пробормотав: — Да что, черт возьми, стряслось?

До Красногорска доехали быстро, санаторий располагался рядом. Штаб расследования оказался в местном управлении полиции. По количеству служебных машин на близлежащих подъездных дорожках Петелина поняла, что к операции, как неведом рыбешку, привлекли массу сотрудников из соседних отделов полиции.

На главное совещание Петелина не успела. Навстречу ей из зала заседаний выходили озабоченные оперативники. Они не брюзжали, как обычно, не зубоскалили по пустякам, даже ее в ярком платье проигнорировали, потому что пялились в телефоны. Кажется, у всех на дисплеях была одна и та же картинка.

Следователь пропустила оперативников и вошла в опустевший зал.

На возвышении около центрального стола она увидела Шумакова. Геннадий Александрович был в гражданском костюме и отдавал распоряжения местному начальнику управления полковнику Головину. Тот был полноват, всегда носил форму, хмурил брови и отличался прямолинейностью солдафона.

Оба полковника заметили нарядную женщину и не сразу признали в ней старшего следователя Следственного комитета.

Головин хотел было прикрикнуть на постороннюю, но Шумаков сообразил первым:

— Елена Павловна, рад, что ты с нами. — Он помахнул ее рукой и развернул ноутбук. — Ты посмотри, что происходит!

Петелина приблизилась к темному дисплею ноутбука, ощущая нарастающую тревогу. Она села за стол, чтобы лучше разглядеть картинку, и обомлела.

В мрачном помещении без окон к железному стулу с подлокотниками был прикован цепями мужчина средних лет. На его испуганном лице с равномерной периодичностью отражался свет: зеленый, желтый, красный. Мужчина напрягался, дергался, пытался освободиться, но тонкие цепи впивались в его тело и причиняли боль. Он что-то злобно бормотал, иногда возмущенно выкрикивал и даже орал, однако его голоса не было слышно.

— Что это? — вырвалось у следователя.

— Читай вверху — суд народа! И время тикает, мать его так! — Шумаков раздраженно выругался.

В верхней части экрана действительно имелся жирный заголовок — Суд Народа. А в углу мелким шрифтом — Заседание № 1. Рядом шелкал таймер обратного отсчета. Пока Елена рассматривала неприятную сцену, цифры на табло с обозначениями дней, часов и минут усохли с 02:21:05 до 02:21:03.

— Какого народа? — недоумевала следователь.

— Народ у нас один, и они уже голосуют. Это прямая трансляция.

В нижней части экрана выделялась широкая полоса, разбитая на три части: зеленую, желтую и красную.

Цветные участки были обозначены крупными подписями: ПОМИЛОВАТЬ, КАСТРИРОВАТЬ, КАЗНИТЬ. Под каждым вариантом нарастал счетчик поданных голосов. Пока лидировал желтый — кастрировать.

— Суд народа? — усомнилась следователь. — Кто-то прикалывается над нами?

— А ты посмотри на примере. — Шумаков ткнул курсор в ярлычок на экране.

Включилась видеозапись. То же помещение, тот же антураж со сменяющимся цветом, только на месте живого человека к стулу был прикован манекен. А дальше последовала наглядная демонстрация того, что произойдет при каждом из возможных решений. Зеленый цвет — отстегиваются путы. Желтый — накаляется и затягивается проволока в паху. И красный — тяжелая гирия разбивает грудную клетку манекена.

Петелина отшатнулась, перевела дух. Экран продолжал мерцать в режиме унылого светофора. Цифры на таймере таяли, счетчики голосов нарастали. Зеленое помилование явно уступало двум другим приговорам, а на железном стуле беззвучно мучился прикованный цепями человек. Он уже убедился в тщетности попыток порвать цепи и беспомощно рычал.

Это не шутка, поняла следователь и попробовала включить звук.

— Бесполезно. Трансляция без звука, — сообщил Шумаков.

— Кто он такой? За что его? — спросила Петелина.

— На этом же сайте есть краткая справка о подсудимом. Да, именно так его величают. Суд, понимаешь ли, устроили! — брезгливо прокомментировал Шумаков и обратился к начальнику управления полиции: — Головин, выдели старшему следователю Петелиной рабочее место.

Головин по-хозяйски повел рукой:

— Мы в этой комнате организуем штаб расследования. Я распоряжусь насчет столов, компьютеров, связи.

Шумаков бросил скептический взгляд на зал заседаний и согласился:

— Действуй!

Головин вышел, а Шумаков начал рассказывать.

3

Месяц до казни

Для инженера по ремонту холодильников и кондиционеров Константина Антонова жаркие деньки в смысле работы в точности совпадали с жарой за окном. Принцип действия у охлаждающей техники одинаковый, но до чего же разное отношение пользователей к неполадкам. Сломался холодильник — срочный вызов в любое время суток, а о кондиционерах народ вспоминает только с приходом жаркой погоды. Тут уж от звонков нет отбоя — и новый установи, и старый почини — полный аврал, хоть без сна работай, ко всем не успеешь. Поэтому крупные организации обзванивались накануне лета, с помощью скидок их уговаривали обслужить технику заранее.

В начале мая Константин Антонов налаживал работу кондиционеров в детской музыкальной школе Красногорска. Начал с кабинета директрисы. Прочистил фильтр, включил кондиционер на полную мощность, измерил температуру воздушного потока — как за окном. Все понятно,

нужно заправлять газом. Подготовил баллон, открыл окно, высунулся с гаечным ключом, чтобы подсоединить шланг к наружному блоку.

С четвертого этажа отлично просматривался сквер перед музыкальной школой, через который дети шли на занятия. В основном это были девочки младшего возраста — миловидные и беззаботные. Некоторые плелись нога за ногу, отвлекаясь на все подряд, другие с жаром обсуждали с подружками детские секреты.

Вот одна девочка наклонилась завязать шнурок, провозилась больше минуты, а потом деловито подтянула колготки, задрав выше пояса подол юбки. Такая непосредственность могла вызвать лишь улыбку у взрослого человека, но Константин заметил иное.

На скамейке в сквере сидел неприметный мужчина лет сорока. Он был один, не тыкал пальцем в телефон, не провожал в школу ребенка и не выискивал взглядом опаздывающего знакомого. Мужчина тайком наблюдал за проходившими мимо девочками. Это не бросалось в глаза до тех пор, пока он вдруг не вытянулся, заинтересовавшись наклонившейся пигалицей. В его движениях и позе почувствовалось что-то хищное.

Антонов присмотрелся, напрягся, и его спина похолодела. Не может быть!

Он давно уже в мыслях о мщении похоронил этого человека. Ублюдок должен был исчезнуть, сдохнуть, загнуться от болезней, сломать хребет на лесоповале, погибнуть в драке в колонии, да где угодно, только не возвращаться в мир нормальных людей.

Сомнений не осталось — в сквере сидел Борис Панин! Тот самый педофил, из-за которого пострадала его единственная дочь Катя. Физические травмы у девочки прошли, но душевная рана оказалась неизлечимой. Любимая

дочь стала душевнобольной, а виновник трагедии вот он — здоров и на свободе.

Как выжил этот подонок, ведь его осудили на четырнадцать лет? Сколько прошло? Неполных двенадцать. Почему его выпустили? Такие, как Панин, должны вечно гнить в тюрьме! А вместо камеры с решетками педофил гуляет на солнышке рядом с детьми.

Неловкая девочка вновь запнулась о развязавшийся шнурок, шлепнулась на колено, потеряла ушиб, горестно разглядывая порвавшиеся колготки. Более расторопные подружки уже забежали в школу, а она осталась одна.

Панин поднялся и поспешил к девочке на помощь:

— Ушиблась? Больно? Давай, я помогу.

У Антонова дрогнула рука, гаечный ключ выскользнул, пролетел три этажа и со звоном упал под окнами. Инженер отшатнулся, сбив баллон с хладагентом.

— Что случилось? — покосилась на него недовольная директриса.

— Посмотрите, там мужчина... Он работает в школе?

Пожилая женщина нехотя встала, запахнула кардиган, поправила очки и выглянула в окно. Педофил заметил внимание к своей персоне, развернулся и зашагал прочь.

— Нет, у нас женский коллектив. А что такое?

— Вы раньше его здесь видели?

— Я уже не в том возрасте, чтобы заглядываться на мужчин, — проворчала директор. — Мне хватает хлопот с детьми и педагогами... Эй, вы куда?

Антонов выбежал из кабинета. Спускаясь по лестнице, он на ходу звонил в полицию, чтобы сообщить об осужденном ранее педофиле, который гуляет около детского учреждения. Сам спешил во двор, чтобы наблюдать за Паниным и остановить гада, если тот хоть пальцем коснется ребенка.

Двое сотрудников патрульно-постовой службы прибыли к музыкальной школе спустя полчаса. Лениво представились: старший сержант Брянцев, сержант Самохин — и потребовали у Антонова документы.

— При чем тут мой паспорт? Педофил околачивался около школы, смотрел на девочек! — убеждал Константин недоверчивых полицейских.

— А вы что здесь делаете? — листая паспорт, поинтересовался Брянцев.

— Да послушайте меня. Панин скрылся, но я проследил за ним. Он зашел в кафе-пекарню, что напротив сквера. С тех пор не выходил. Лучше его документы проверьте, он должен сидеть в колонии!

Полицейские поморщились, но все-таки зашли в кафе-пекарню под вывеской «7 пирогов». Антонов пристроился следом.

В уютном помещении на четыре столика пахло свежес выпеченными булочками, ароматным кофе и сладкими пирожками. Товар отпускала улыбчивая буфетчица. Бориса Панина в зале не было. Патрульные спросили буфетчицу о заходившем мужчине, та охотно кивнула и указала на служебное помещение.

Полицейские спустились в подвал, но вскоре вернулись к нетерпеливо поджидавшему Константину Антонову и вывели его на улицу.

— Мы проверили документы и созвонились с нашим отделом. Да, это Панин Борис Игоревич. Был осужден, вышел из колонии по условно-досрочному, адаптировался, устроился на работу пекарем, замечаний нет. Документы в порядке, все официально, — объяснил старший сержант.

— Но как же! Он был рядом со школой. Там девочки! — возмутился Антонов.

— Это городской сквер. Панин вышел подышать из жаркой пекарни, только и всего.

— Он пялился на малолетних девочек. Нельзя ли ему запретить...

— Нельзя! — отрезал Брянцев. — Панин не работает в детском учреждении. Он работает в подвале пекарни. Один.

— Гражданин, не отвлекайте по пустякам, — вмешался сержант Самохин. — Вот если случится что-то серьезное, мы примем меры.

— Как же так! Неужели нужно ждать, пока он...

Но полицейские под стрекот служебной рации сели в машину и укатили на вызов. Растерянный инженер по-нуро стоял около кафе-пекарни. Через витрину на него смотрел Борис Панин и победно улыбался. Он узнал Антонова, тот был на суде среди других родителей пострадавших девочек.

Тогда педофила Панина осудили на четырнадцать лет. Долгий срок для униженных девочек казался вечностью, из которой не возвращаются. Зло исчезнет навсегда, думали они. Но прошло неполных двенадцать лет — и педофил на свободе. Чуть поседел, но выглядит подтянутым и тренированным. Не осунулся, не обрюзг, не спился, не сдох от болезней, не свихнулся от мук совести, будто все это время провел не в колонии, а в оздоровительном походе.

Преступник здоров и прощен государством, а его дочь Катя так и осталась неизлечимо больной! Где справедливость?

Дальнейшая работа у инженера шла плохо, все валилось из рук, память возвращала к ужасным переживаниям двенадцатилетней давности. Антонов уехал домой пораньше.

Войдя в квартиру, он заглянул к дочери и застал все ту же безрадостную сцену. Катя играла с куклой Барби, одетой в купальник. Она окунала куклу в ванночку для малыша, наполненную водой, изображала плавание туда-сюда, как в спортивном бассейне, и под конец вручала кукле медаль за победу. Кате исполнилось девятнадцать лет, тело девушки соответствовало возрасту, но в сознании дочь осталась той же семилетней девочкой, над которой надругался похотливый маньяк.

Семья тогда пережила ужасные дни, хуже которых не придумаешь. Константин внушал себе и жене Ирине, что все худшее в прошлом, случившееся со временем забудется и сотрется из памяти маленькой девочки. Так и произошло, но совершенно с другим результатом.

Катю удалось вывести из шокового состояния спустя два месяца после надругательства тренера-педофила. Ее сознание действительно вычеркнуло из памяти жестокое насилие, но зафиксировалось на границе произошедшего. Девочка перестала взрослеть, словно хотела оградить себя от мерзостей взрослого мира. Ее сознание так и осталось на уровне семилетней наивной девочки, мечтающей стать чемпионкой по плаванию.

За ужином Константин ничего не сказал жене. Он несколько раз пристально всматривался в Ирину и опускал глаза. За двенадцать лет измотанная горем женщина постарела сильнее, чем преступник, отсидевший в колонии. Педофил на свободе и чувствует себя хорошо, а они продолжают жить в вечной клетке того рокового дня.

Ночью Константин долго не мог уснуть, то и дело ворочался в постели.

— Ты чего? — не вытерпела жена.

— Он вернулся. Я видел Панина, — признался муж.

Последовала долгая пауза, после которой жена растерянно выдохнула:

— Как же так?

— Говорят, свое отсидел.

— И что теперь?

Константин не знал, что ответить. Это был тот самый вопрос, который не давал ему покоя. Что теперь делать?

Утром он продолжил заправку кондиционеров в музыкальной школе. И снова увидел Панина. Тот исподтишка наблюдал за девочками со скамейки в сквере, держа на коленях открытый пластиковый бокс с причудливыми булочками. Девчонки невольно косились на ароматную выпечку.

Имеет право дышать свежим воздухом, вспомнились объяснения полицейских. Бред слюняев! Такой подонок вообще не имеет права дышать!

Инженер громыхнул ключом по кондиционеру. Панин заметил его, взял булочку, откусил, без спешки поднялся и прогулочным шагом вернулся в пекарню.

«Пошел прочь!» — хотелось крикнуть Антонову. Он не даст педофилу пускать слюни на девочек.

Но к его ужасу, после занятий в школе многих девочек так и тянуло в кафе-пекарню «7 пирогов». Там продавались теплые булочки, сдобное печенье, красивые пирожные — и так вкусно пахло! Девочки заходили в кафе с мамами, а некоторые сами по себе. Устоит ли малышка, если добренький с виду дядя предложит ей вкусное пирожное?

«Что же делать?» — мучился сомнениями Антонов.

Полиция ничего не предпримет, пока не произойдет что-то страшное. Не дай бог! Как им втолковать, что педофилы неисправимы? От Панина пострадали многие, неужели будут новые жертвы?

Как его остановить?

2 июня. 12:33. 2 дня 20 часов 57 минут до казни

В зале заседаний управления полиции Красногорска Шумаков и Петелина остались вдвоем. Полковник объяснял, заранее оправдываясь:

— Для меня это дело тоже как снег на голову. Видишь обратный таймер?

Елена взглянула на монитор. Счетчик показывал: 02:20:57.

— Дни, часы и минуты, которые у нас остались, — пояснил Шумаков. — Отсчет стартовал три часа и три минуты назад, а спустя час меня выдернули из кабинета и направили сюда.

— Почему именно в Красногорск? — уточнила следователь.

— Потому что этот тип, — Шумаков ткнул в монитор на закованного узника, — работал здесь.

— Стоп! Давайте по порядку, Геннадий Александрович. Кто он?

— Личность мы установили — Панин Борис Игоревич. Сейчас ему сорок два года, ранее работал детским тренером по плаванию в Митино, этот жилой район примыкает к Красногорску. Там и проявились его пагубные наклонности в виде нездорового интереса к маленьким девочкам.

— Насколько маленьким? — предчувствуя ответ, направила Елена.

— Семи-десяти лет.

— А нездоровый интерес это...

— Насильственные действия сексуального характера.

— Панин — педофил, — констатировала Петелина. Теперь она смотрела на узника иным взглядом, но все-таки уточнила: — Его вина доказана?

— В уголовном деле фигурирует шесть пострадавших девочек, самой старшей из них было десять лет. Четыре девочки подвергались насилию неоднократно, некоторые серьезно пострадали, — подтвердил Шумаков.

— Мразь! — не сдержалась Елена.

— Осужден на четырнадцать лет, — продолжил полковник. — Вышел условно-досрочно два месяца назад, отсидев неполных двенадцать. Вернулся жить к матери в Митино. В колонии получил специальность пекаря, что позволило ему устроиться на работу в кафе-пекарню здесь в Красногорске. Это все, что мне на данный момент известно. Я отправил людей по месту жительства и работы Панина, чтобы все проверить.

Петелина посмотрела на вызывающий кроваво-красный заголовок сайта «Суд Народа» и указала:

— Дело поручили Главку, потому что...

— А как ты думала? — не сдерживал раздражения полковник. — Начальство в панике. Порядок обрушится, если вместо власти суд и приговор будет вершить народ. Трое суток отмеряно на голосование по педофилу, а дальше занавес — ты видела варианты приговора.

— И вам приказали срочно остановить это безобразие, — догадалась следователь.

— Вот почему я тебя привлек? Потому что у тебя интуиция. Ты даже слово точное повторила — безобразие! Именно так это видится из высоких кабинетов.

Елена понимающе кивнула и спросила:

— Что еще известно?

— Да ничего толком не ясно. Кто-то сделал сайт, заковал педофила в специально подготовленной камере,

подключил трансляцию, разослал ссылку по новостным каналам, и началось!

— Панин взялся за старое?

Полковник пожал плечами:

— Разбираемся.

В комнату стали заносить столы, греметь стульями, тянуть от розеток удлинители. Петелина и Шумаков вышли в коридор.

— Панину может мстить кто-то из пострадавших, — предположила следователь.

— Черт бы подрал такого терпилу! Хотел бы отомстить, грохнул бы педофила по-тихому в подворотне, и мы бы расследовали обычное убийство, — не скрывал сожаления полковник.

— Мститель не хочет по-тихому, и сам марать руки не собирается. Всеобщий суд организовал, хитрое устройство придумал. Как народ решит, так и будет.

— А он вроде как и ни при чем.

— Не дурак, — согласилась Петелина.

— Вот ты и найди, кто такой умный! — включил командный голос Шумаков. — Изучай документы, общайся с потерпевшими, анализируй информацию. Я для этого тебя и вызвал.

— Спасибо за доверие, товарищ полковник, — так же строго ответила следователь.

— А мы будем искать темницу, где держат Панина. Время тикает, теперь живем по адскому таймеру. Выбирай рабочее место, Петелина. Капитан Майоров доставит тебе документы.

— Подождите! Я еще не дала согласие, — смутилась Елена.

— Не издевайся, Петля, — взмолился полковник. — Нам брошен вызов. Оперативникам, следователям, су-

дьям, всей правоохранительной системе, а это, считай, государство! Неужели останешься в стороне?

Елена вспомнила, как обрадовалась, увидев Ваню Майорова, а он всего лишь бывший напарник ее мужа, Марата Валеева. Последние месяцы она полностью посвятила малышу, отодвинув на задний план Марата. Порой она не разговаривала с ним сутками, потому что уставала и ложилась спать еще до его прихода, сонно отбрыкивалась от постельных ласк, первой вскакивала на писк ребенка и с укором отвергала запоздалую помощь мужа. Утром Марат спешил на службу, а у нее голова шла кругом от материнских забот.

Не от этого ли проблемы в их семье? Если дома общение не получается, то, возможно, на службе они снова сблизятся. Хотя бы появится шанс.

— У меня условие, — потребовала следователь. — Я хочу привлечь к делу своих коллег: экспертов, оперативников. Так мне привычнее.

— Да привлекай кого хочешь, Петелина, только дай результат! Ссылайся на меня. Все, мне некогда!

Шумаков ушел, на ходу отдавая приказы по телефону.

В коридоре появился распаренный Иван Майоров. Он прижимал к бокам обеими руками по коробке, отчего казался смешным и неуклюжим.

— Елена Павловна, куда? — пыхтел Ваня, обливаясь потом. — Уголовное дело Панина из архива доставили.

В обычных обстоятельствах Елена прыснула бы со смеху, но вспомнился монитор со всполохами красно-желтых огней на лице узника и таймер с тающими минутами. Она зашла в распахнутые двери бывшего зала совещаний, где на глазах формировалась оперативная комната.

— Неси за мной. Выберу себе место у окна.

25 лет до казни

В первом классе перед ним сидела самая красивая девочка в мире. Он был в этом убежден, ведь она была особенной. У всех девчонок волосы были заплетены в тонкие косички или стянуты в конский хвостик — фу, дурацкое название, но не он его придумал. А у Наденьки Ершовой, так звали особенную девочку, было сразу два чудесных хвостика, мило свисавших над ее ушками.

На уроках он смотрел ей в затылок, что было жутко интересно. Он изучал неровный, всегда разный и такой милый пробор волос, подсчитывал невесомые завитушки, спадающие на тонкую шею, и любовался замечательными хвостиками. Они торчали в стороны и чуть вверх. Из-под стягивающих резинок волосы выходили тонкими пучками и постепенно расширялись, как струи необыкновенного мягкого водопада, к которому хотелось прикоснуться. Он так и делал.

Надя оборачивалась, вопросительно вскидывала брови: чего тебе? Или хмурилась: отстань! А он улыбался счастливой улыбкой и слышал неодобрительное, но совсем не обидное: дурак!

Постепенно он научился дотрагиваться до хвостиков с такой тайной нежностью, что Надя не замечала прикосновений. Или делала вид, что ей это безразлично. Девчонки умеют терпеть и притворяться.

А еще хвостики, как волшебные антенны, отражали настроение Нади. Он не видел ее лица, но понимал, глядя на хвостики, — вот она сосредоточена, вот недовольна, теперь задумалась, а сейчас мечтает. А когда Наденька

резвилась или смеялась, хвостики пускались в пляс — залюбуешься!

Шло время, любимые хвостики удлинялись, касались ее плеч, спускались на спину и закручивались, как струи сказочного спирального водопада. Перед ним была не девочка, а волнующая мечта о чем-то радужном и желанном.

Но однажды Надя пришла в школу с короткой стрижкой. Весь сказочный ореол ее красоты испарился, она превратилась в обычную худую и визгливую девчонку. Он погрузил немного и перестал ее выделять среди одноклассниц.

Они повзрослели. Он вытянулся, окреп, нарастил плечи, потому что много лет занимался плаванием. Надя осталась хрупкой невысокой обычной девчонкой. Он не выделял ее, как, впрочем, и других сверстниц. Девушки-подростки хотели казаться старше, ярко красились, вызывающе одевались, баловались пивом и сигаретами, не стеснялись грубых слов, некоторые отваживались на пирсинг и тату. Казалось, их главная задача поскорее избавиться от детской чистоты и непорочности. Его это приводило в уныние, которое он не мог объяснить.

Так закончилась учеба в школе. На праздничной линейке, посвященной последнему звонку, ему поручили нести первоклашку с колокольчиком.

Когда он увидел доверчивую пигалицу с огромными глазами, то обомлел — к нему вернулась особенная девочка из детства. На маленькой красавице были белые гольфы, короткое платье с белым кружевным воротничком и самое главное — прическу украшали два милых хвостика с белыми бантами. В груди засосала сладкая истома. Он вспомнил несбывшуюся любовь из безмятежного детства.

А девушки-одноклассницы в этот день неожиданно захотели выглядеть по-детски. Та самая Надя Ершова пришла в классической школьной форме с белым фартуком.

На ней были такие же белые гольфы, как у первоклашки, а волосы она собрала в два столь любимых и желанных хвостика. Она улыбалась и то и дело подносила к лицу букетик белых ландышей.

Он обхватил малышку сзади под мышки, крепко сжал ладони и рывком водрузил на плечо. Девочка одной рукой обняла его за шею, в другую ей дали колокольчик. Чтобы малышка не свалилась, он прижал ее растопыренной ладонью и почувствовал, как сквозь подушечки пальцев проникает странное щекочущее тепло. А рядом встала Надя с мальчиком-первоклассником, которому тоже доверили колокольчик.

Директор школы парадно-радостным голосом объявила последний звонок, и они пошли по кругу, трезвоня в колокольчики. Он шел, будто в сладком сне, — рядом первая любовь, вернувшая волнующий детский образ, а на плече к нему доверчиво прижимается очаровательнейшее создание.

Он смотрел на весело пляшущие хвостики Нади, и его сердце наполняла нежность. У девочки на его плече волосы точно так же раскачивались в такт его шагам и порой задевали его макушку. Дразнящие прикосновения колололи его искорками вожделения, а наэлектризованные пальцы сильнее сжимали малышку.

Это плохо, непристойно? Нет! Все вокруг одобрительно улыбаются.

Он не помнил, как завершил торжественный круг под звон колокольчика, зато последний момент навсегда врезался в его память.

Когда он опускал девочку, то на миг прижал ее к себе, и его накрыла сладостная волна наслаждения. Разрядка была бурной и неконтролируемой. Ему было стыдно разогнуться, потому что на брюках проступило влажное

пятно. К счастью, в наступившей неразберихе никто не обратил на это внимания.

Расчувствовавшаяся Надя пустила слезу и сунула ему букетик белых ландышей, чтобы освободить руки. Он закрыл букетом покрасневшее лицо и смотрел сквозь тонкие цветы на милых первоклассниц с двумя хвостиками. Малышки были такими же чистыми и нежными, как ландыши, а склоненные соцветия напоминали ему хвостики детских волос.

Так Борис Панин впервые получил незабываемое наслаждение от прикосновений к маленькой девочке.

6

2 недели до казни

Работу по наладке кондиционеров в музыкальной школе Константин Антонов завершил за три дня. Но и после этого при каждой возможности он возвращался в сквер перед школой.

Инженера терзали злость и беспомощность — педофил, разрушивший психическое здоровье его дочери, продолжает получать удовольствие от наблюдения за маленькими девочками, а он ничего не может сделать. Крепло убеждение: если Панина не остановить, то рано или поздно он даст выход грязной похоти. Опять пострадает маленькая девочка, педофил сломает еще одну судьбу. Как предотвратить трагедию, если полиция отмахивается от его заявлений?

Разное лезло в голову. Избить, покалечить? Прямую месть он отвергал, а выкинуть проблему из головы не позволяла совесть. Так ничего и не придумав, Антонов решил проследить за Паниным и изучить его ежедневный график.

Новоявленный пекарь приезжал на работу на старой «шкоде» около семи утра, за час до открытия кафе. Он пользовался той же печально известной машиной, на которой любезно подвозил девочек после тренировок в бассейне двенадцать лет назад. Девочки доверяли тренеру, не опасались его прикосновений и не сразу осознавали, что взрослый дядя с ними делает. В злополучной «шкоде» побывала и дочь Антонова, Катя.

Прибыв к месту работы, Панин открывал своим ключом дверь служебного входа и спускался в подвал. Там он включал пекарное оборудование, и вскоре из вытяжки тянуло пряным запахом свежих булочек и пирожков.

После открытия кафе-пекарни горячая выпечка появлялась на прилавке, кофейный аппарат с хрустом перемалывал кофейные зерна, добавляя в сытные ароматы терпкость бодрящего напитка, из сетевого кондитерского цеха доставлялись пирожные, и витрина превращалась в лакомое пиршество для детских глаз и соблазнительное искушение для взрослых.

Борис Панин в красивом фартуке с изображением усатого пекаря на груди подолгу сидел за чашкой кофе в углу прилавка и подтрунивал над буфетчицей Алиной. Иногда он выходил из-за прилавка и помогал посетителям с выбором, объясняя тонкости выпечки и состав начинки. Он отдавал предпочтение девочкам с мамами. Был вежлив, не назойлив, обращался к малышке, как к взрослой, самостоятельно принимающей решение, и мама в это время одобрительно подбадривала дочку. Доброму дяде, пекущему вкусные булочки, девочки доверяли.

Погода с каждым днем становилась теплее, девочки избавлялись от курток, меняли джемпера и брюки на легкие платьица, и Панин все больше времени проводил в сквере, наблюдая за стайками учениц музыкальной школы. Ан-

Літературно-художнє видання

БАКШЕЄВ Сергій
Страта у прямому ефірі

Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 21.10.2020. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 15,96. Наклад 7500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

БАКШЕЕВ Сергей
Казнь в прямом эфире

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 21.10.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 15,96. Тираж 7500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

У місті з'явився кат, що ховає своє обличчя під чорним каптуром. Він провадить онлайн-трансляцію суду над злочинцем-педофілом, називаючи це «Судом Народу». За 72 години результат голосування визначить — стратити чи помилувати злочинця. Місцеві чиновники вимагають спіймати ката і припинити свавілля, адже право на суд має тільки влада. У ході розслідування Олена Петеліна з'ясовує, що напередодні суду педофіл викрав дев'ятирічну дівчинку. Тільки він знає, де вона перебуває. Час на таймері неблаганно тане. Люди жадають справедливої помсти. Але, якщо кат здійснить страту за рішенням народу, викрадена дівчинка не виживе.

Бакшеев С.

Б19 Казнь в прямом эфире : роман / Сергей Бакшеев. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 304 с.

ISBN 978-617-12-8318-3

В городе объявился палач, прячущий свое лицо под черным капюшоном. Он проводит онлайн-трансляцию суда над преступником-педофилом, называя это «Судом Народа». Через 72 часа результат голосования определит — казнить или помиловать преступника. Местные чиновники требуют поймать палача и прекратить беспредел, ведь право на суд есть только у власти. В ходе расследования Елена Петелина выясняет, что накануне суда педофил похитил девятилетнюю девочку. Только он знает, где она находится. Время на таймере неумолимо тает. Люди жаждут справедливого возмездия. Но, если палач свершит казнь по решению народа, похищенная девочка не выживет.

УДК 821.161.1

Автокатастрофа навсегда лишила Пашу возможности жить полноценно. Инвалид, потерявший память, выброшенный на периферию общества — его приютом становится интернат. Казалось, судьба парня решена. Но Паша обнаруживает у себя особый дар — мистическую способность обездвиживать людей. Дар оборачивается проклятием: Паша становится орудием в руках бандитов. Они используют парня, чтобы совершать преступления. Но память начинает возвращаться к Павлу. И скоро он вспомнит все.

Дело Самсонова, обвиняемого в убийстве, вела следователь Петелина. Одна из свидетельниц внезапно признается, что дала ложные показания против Самсонова, а он невиновен. Теперь Петелину обвиняют в предвзятом расследовании. Тем временем Самсонова хотят убрать. Его смерть очень выгодна некоему Баринову. Убитая жена Самсонова была наследницей владельца крупных бизнес-центров. После ее смерти и ареста Самсонова фактическим владельцем прибыльной компании стал финансовый директор Баринов. Он крайне заинтересован, чтобы Самсонов исчез, и нанимает анонимного киллера.

Петелина попытается восстановить справедливость и спасти жизнь невиновного. Исправить свою ошибку, даже если придется пожертвовать собой...